

23 января 1989 года в возрасте 84 лет скончался один из гениев искусства XX в. Сальвадор Дали. Сей мир оставил человек, чьи работы все более входят в жизнь человечества.

Нас, участников проходившего в 1988 году в Гватемале 79-го Межпарламентского конгресса, любезно пригласили на первую в этой центральноамериканской стране выставку творчества Сальвадора Дали. Экспозиция была скромной: несколько акварелей, графических работ и несколько десятков факсимиле живописных картин. Однако замысел выставки был весьма значительным. Президент

республики, несмотря на протест влиятельных военных, лично шефствовал над выставкой. Ему хотелось показать, что и его страна идет по пути цивилизации, прогресса и демократии.

В том же году и почти одновременно на другой стороне земного шара, в Москве, в Музее имени А. С. Пушкина, действовала другая выставка графических работ С. Дали. Тоже первая в стране... Не тот самый ли замысел имели в виду ее устроители?

Как тут не вспомнить знаменитую картину-метафору мастера «Постоянство памяти» (1931 г.). На фоне холодного, жуткого пейзажа к твердой поверхности прилепились мягкие расплавленные часы. Кто знает, что хотел этим сказать великий сюрреалист? Возвестить с присущей ему верой, что, независимо от того, в каком полушарии планеты отсчитывают свои часы время, оно навеки «сплавлено» с его личностью и творчеством? «Сплавлено» с нами всеми, с историческим процессом? Показывать, что на свете существуют вещи гораздо более прочные, постоянные, чем бег неумолимого времени, что оно — лишь слуга нашей воли? Наконец, легче всего сказать, что истинный художник не удовлетворяется достигнутым, стремится идти дальше, обогнать век и себя.

В 1972 году, вернувшись из франкистской еще Испании, где выдалась возможность познакомиться с ее старинным и современным искусством, я на одном дыхании написал статью о Пабло Пикассо и Сальвадоре Дали. Рассказывая тогда об этих двух испанцах-французах, я еще не видел созданного в 1947 году С. Дали сюрреалистического бюста

П. Пикассо. Нельзя сказать, что он вызывает восхищение: обвисшая женская грудь, невиданные языки и проч. Я не знал о том, что автор пожелал сделать большую фотографию бюста, где его лицо соединилось бы с лицом модели. Может, под воздействием контрастной и вместе с тем гармонической культурной среды Испании или живых, красочных, встречающихся на каждом шагу обычаев я почувствовал лишь, что Пикассо и Дали в чем-то глубоко едины. Они составляют национальное, человеческое единство эстетических противоположностей. Две стороны художественного лица столетия.

Как тогда, так и сейчас я утверждаю, что основа и всего сюрреализма, и искусства С. Дали — на земле, в человеческих взаимоотношениях. Но как добиться того, чтобы мы хоть отчасти воспринимали землю и человека так, как их воспринимает художник? Вот ось, вокруг которой продолжают серьеозные конфликты и анекдотические ситуации, когда речь заходит об интерпретации и понимании творчества С. Дали, его жизни. Их искусно плел сам художник: «Наш идеал — добиться яркости искусства безумных, не становясь, однако, ими».

Один из таких конфликтов, продолжающихся и даже усилившихся сейчас, после смерти великого сюрреалиста, — отрыв его личности от творчества. Точнее говоря, затенение творчества экстравагантностью личности. Хотя это вряд ли сопоставимые вещи, но С. Дали пока что постигает примерно то же, что постигло А. Жюйдишнавичюса. Коллекция черт литовского художника отеснила на второй план его картины. Познакомившись несколько шире с последними публикациями, посвященными С. Дали, напрашивается печальный вывод: мы не слишком продвинулись в понимании его творчества. Раньше нам препятствовали в этом идеологические предрассудки, оговорки соцреализма, установка «громоотводов». Отчасти это и облегчало дело, так как позволяло скользить по поверхности явления. Увы, сейчас наблюдается почти то же самое. С. Дали — неординарная личность — подчас держит в тени С. Дали — слоню и многопланового творца.

После его смерти эта тенденция даже усилилась.

Все проблемы связываются с личностью С. Дали, а не с его творчеством. По своей ли воле в 1982 году, после смерти жены, он навсегда затворился в замке Фигуерас — театре-музее? Дейст-

все-таки журнал «Шпигель» снимок с похорон С. Дали подписал так: «Выжидающие шакалы».

Чем дальше будет идти время, чем скорее мы освободимся от предвзятых схем,

донн с лицом жены, костлявый жираф помогли понять, что атомный век столкнул Человека и Землю на край пропасти... Нет, не галлюцинации, сны и параноидальные видения, хоть всеми

ся мертвой и унифицированной, виртуозная техника живописи — манерной, салонной. В свое время она казалась такой и многим из нас, отрицавшим казенную академичность. Мы предпо-

кое и неочерченное. Композицию венчает разлагающаяся, искаженная болью уродливая голова. Все это переплетено характерным для художника сочетанием мягкого — твердого.

Согласен, картина захватывает дух, вселяет ужас, заставляет отойти в сторону. Но возвращает вновь и надолго приковывает к себе. Навсегда врезается в память. Как братоубийственные гражданские войны. Как раны и слезы национальной Голгофы. В разгар испанской гражданской войны С. Дали создал еще более жесткую картину такого плана «Осенний каннибализм» (1936—1937). Здесь человек человека уничтожает постепенно, смакуя...

Великое явление в искусстве тем и велико, что в нем — весь спектр человеческого бытия. По моему мнению, в этих и им подобных картинах во всей наготе раскрывается всепожирающая ненависть. Разрастающаяся, достигающая колоссальных размеров тогда, когда привычная жизнь рушится, постулаты будничности уходят в небытие. Когда все начинает разлагаться. Когда людские души охвачивают фальшь, страх, зависть. Тогда слепая ненависть рождает ненависть, а картины С. Дали оживают, становятся реальностью.

Когда они очень моральны и даже дидактичны: куда ты идешь, Человек?!

Углубление в наиболее проблемные, катаклизмы, естественно, не могли не привести художника, и без того склонного к мистике, к идее универсальности, поиску абсолютной истины, к религиозной тематике. Естественно и то, что о фундаментальных сторонах бытия в работах религиозного характера он говорит иначе, не столь сурово. Я бы сказал, интимно и с надеждой. Два живописных полотна, две художественные интерпретации распятого Христа. На полотне «Христос св. Иоанна на кресте» (1951) Сын Божий смотрит с возносящегося креста вниз, на остающуюся внизу, освещенную полосками зари, землю. В картине «Атомный крест» (1952), напротив, доминирует массивный, напоминающий конструкцию атомного реактора, крест. Из черной глубины пропасти он идет к нам желтовато-холодный, рациональный, зажавший в себе хрупкую облатку с силуэтом Христа. У какого креста молиться? У того, традиционного? У

этого, сформированного религиозной концепцией и атомной физикой?

Окончательное решение выбирает человек. Бог, вера — участники его существования и судьбы. Таким мог бы быть один из смыслов религиозных композиций С. Дали. В 1955 году он создал очень прозрачную, теплую композицию «Последняя вечеря». Здесь видение и мышление художника утверждают обновление, возрождение, искупление. И, конечно, предательство. Во всяком случае простую и понятную иллюзию всего этого. Певец оливкового дерева, прошедший своим отрицающим творчеством сквозь преисподню и чистилище человеческих слабостей, вернулся к утверждению крепости духа. К глубинным связям добра, красоты, верности. Его последняя работа — светлая акварель с несколькими начертаннми неверной рукой дрожащими штрихами и мазками. И рядом с ней — сфотографированный в белом кресле и в белой одежде С. Дали. Наполненное тоской прощание.

Масштаб творчества Сальвадора Дали поистине грандиозен. Работоспособность — фантастическая, универсальность — нескончаемая. Живописец и график, писатель и режиссер, сценарист и либреттист, актер и дизайнер. И все-таки главное место в его творчестве отведено живописи. Тем 1000 с лишним картинам, из которых около 200 находятся в «Театре-музее Дали» в Фигуерас. Остальные — в лучших галереях мира, частных коллекциях. Целый мир Сальвадора Дали! Взятая отдельно от этого мира, картина иногда может быть совершенно непонятной, осуждаемой многими. Эстетический вкус далеко не каждого человека может смириться с изображением красивого мальчика, вцепившегося белыми зубами в окровавленную длиннохвостую крысу. С кровавыми, вылепленными словно из крема для торта, розами на обнаженном животе женщины. И совершенно иной смысл — смысл репродуктора или экспликатора агонии мира, системы, человека — обретают эти мотивы во всем контексте мира С. Дали. Они становятся производными. Что и говорить, мы только начали прикасаться к этому необъятному миру. Прикоснувшись, станем мудрее.

Л. ШЕПЕТИС

МИР ДАЛИ

Амурской Ритас - Виленис - 1990. - 22 февр. - с. 4.

Сальвадор Дали.

вительно ли он умер? Немистификация ли это, как уже не раз случалось? Неужели ему не хватает смелости умереть? У мультимиллионера Дали нет детей. Кто унаследует его богатство? Куда исчезают его картины из музея «Галерея Дали» и его деньги из американских банков? В свое время художник легкомысленно подписывал пустые листы бумаги, создавая тем самым благоприятную почву для распространения подделок своего творчества. Зарабатывая, кстати, на этом по 150.000 долларов в час! Кто теперь сделает бизнес на его неосмотрительности? Это лишь небольшая часть вопросов, мучающих людей из окружения художника, журналистов, бизнесменов от искусства. Конечно, в этом можно усмотреть и озабоченность по поводу творческого наследия. И

установок и мифов, тем яснее осознаем цельность жизни и творчества Сальвадора Дали. Его рука, ум и сердце едины, гармоничны и отзывчивы ко всему, что вызывало у художника вопросы, растревало видения, будило его безграничную фантазию. Именно мятущаяся фантазия — как проявление гениальности, сопровождавшая художника до самой смерти, — была стимулом и соединением его жизни и творчества. Мне кажется, что прежде всего именно бесконечная, подчас граничащая с подсознанием фантазия, а не постулаты сюрреализма, из рядов которого, кстати, художника изгнал его основоположник Андре Бретон, создали феномен, чудо С. Дали. Массивный слон на паучьих лапах, человеческие губы, превращенные в бархатную софу, множество ма-

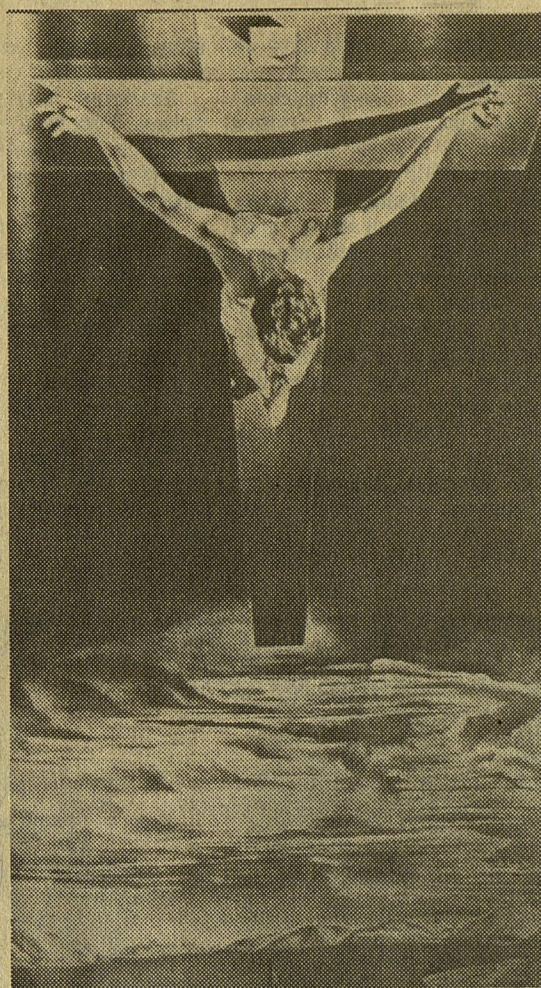
этим категориями фрейдизма и любил оперировать С. Дали, а свободная фантазия помогла ему окунуться в глубины бытия, подняться на его вершины, соединить в своем творчестве добро, красоту и кошмар в единое целое. Так, как это и есть в жизни.

Искусству всегда грозили два истощающих фактора: художник, не являющийся мастером, и мастер-ремесленник.

Сальвадор Дали — художник и мастер — цельная индивидуальность. Зрителю он раскрывается нелегко, множеством смыслов и свойств. Однако когда это происходит, когда творение или его совокупность захватывает человека, тогда тот находит все новые качества не только в искусстве, но и в себе самом. На первый взгляд художественная форма С. Дали может показать-

этим категориями фрейдизма, ее нарочито грубую фактуру, густой колорит. Лишь внимательный и цепкий взгляд изнутри подтверждает слова Дали: «Художник думает рисунком». Это думание способствует пониманию профессионализма и мастерства формы в философском смысле.

Знаменитая картина «Предчувствие гражданской войны» (1936) была создана за полгода до начала гражданской войны в Испании. На фоне красноватых скал и пробивающейся сквозь мертвые тучи глубокой синевы неба висит либо едва стоит на деревянном ящике загадочная конструкция из частей человеческого тела. На переднем плане гниющая грубая и когтистая рука «доит» окровавленную женскую грудь. Другая не то рука, не то нога давит на нечто тоже человеческое, хруп-

«Христос св. Иоанна на кресте». (1951 г.).